

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Научная статья
УДК 340; 342
DOI 10.33184/pravgos-2023.2.1

Original article

ТРОФИМОВ Василий Владиславович
Научно-исследовательский институт
государственно-правовых исследований,
Тамбовский государственный университет
им. Г.Р. Державина, Тамбов, Россия;
e-mail: iptgutv@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-5039-7363>

TROFIMOV Vasily Vladislavovich
Research Institute of State and Legal Studies,
Derzhavin Tambov State University,
Tambov, Russia.

ИДЕЯ ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА В ГОСУДАРСТВЕ И СОЦИАЛЬНО-ВЛАСТНЫЙ ДИАЛОГ В ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ПЛОСКОСТИ КАК ФАКТОР ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

THE IDEA OF THE RULE OF LAW IN THE STATE AND SOCIO-AUTHORITY DIALOGUE
IN LAW-MAKING AS A FACTOR IN ITS IMPLEMENTATION

Аннотация. Актуальной задачей остается построение правового государства, провозглашенного в Конституции РФ. Верховенство права (правовое государство) рассматривается сквозь призму установления в государстве институционального диалога между властью и обществом в правотворческой плоскости, что позволит обеспечить разработку и принятие права надлежащего качества, отражающего реальные социальные интересы, а значит, это право будет вызывать доверие. На этой основе будет возможна реальная реализация идеи верховенства права в государстве. Цель исследования заключается в обосновании связи социально-властного диалога и процесса «воцарения» законности и правопорядка в обществе, реального осуществления идеи верховенства права. Методы: историко-правовой, интерпретационный, аналитический, системный, формально-юридический, критической рефлексии, научных обобщений, сопоставительный и др. Результаты: установлена значимость социально-властного диалога в правотворческой плоскости для упрочения и реализации на практике в ходе функционирования государственно-правовой системы идеи (принципа) верховенства права, осуществления провозглашенной в Конституции РФ модели демократического правового государства. Общество, становясь соавтором законов, меняет отношение к этим законам, воспринимая их как продукт совместного творчества государства и общества (правового сотворчества власти и общества), так же как и государство осознает ценность принятых таким образом законов, обеспечивая демократическими правовыми средствами их осуществление в общественной практике.

Abstract. The task of building the rule-of-law state, as proclaimed in the Constitution of the Russian Federation, remains urgent. The rule of law (the rule-of-law state) is viewed in the context of the establishment in the state of an institutional dialogue between the government and society in the law-making plane, which will ensure the development and adoption of law of proper quality, reflecting the real social interests, which means that this law will be credible. On this basis the real implementation of the idea of the rule of law in the state will be possible. The purpose of the study is to substantiate the connection between the socio-authority dialogue and the process of «enthronement» of law and order in society, the real implementation of the idea of the rule of law. Methods: historic-legal, interpretative, analytical, systemic, formal-legal, critical reflection, scientific generalizations, comparative, etc. Results: the article determines the importance of socio-authority dialogue in the law-making plane for the consolidation and implementation in practice of the idea (principle) of the rule of law during the functioning of the state law system, the implementation of the model of a democratic rule-of-law state proclaimed in the Constitution of the Russian Federation. Society, becoming a co-author of laws, changes its attitude to these laws, perceiving them as a product of joint creativity of the state and society (legal co-creation of authority and society), just as the state is aware of the value of laws adopted in this way, ensuring their implementation in public practice by democratic legal means.

© Трофимов В.В., 2023

Ключевые слова: право, закон, конституционное устройство, верховенство права, правовое государство, демократия, демократическое правление, социально-властный диалог, народ, общество, правовое сотворчество, юридическая доктрина

Для цитирования: Трофимов В.В. Идея верховенства права в государстве и социально-властный диалог в правотворческой плоскости как фактор ее осуществления / В.В. Трофимов. – DOI 10.33184/pravgos-2023.2.1 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 2. – С. 5–13

Keywords: law, statute, constitutional system, rule of law, rule-of-law state, democracy, democratic government, socio-authority dialogue, people, society, legal cooperation, legal doctrine

For citation: Trofimov V.V. The idea of the rule of law in the state and socio-authority dialogue in law-making as a factor in its implementation. Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2023, no. 2, pp. 5–13 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.2.1.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Идея верховенства права, на которую ориентируются многие современные демократические (конституционные) государства (что прямо или косвенно закреплено в основных законах этих стран¹), чтобы воплотиться в реальной политико-правовой жизни, должна пройти путь от абстракции к конкретной форме реализации. Эта идея должна быть познана, осмыслена не только интеллектуальной передовой общественностью (как иногда говорят, элитой общества), но и всем населением страны, войти в правовое сознание каждого из людей в качестве неотъемлемого компонента жизненной стратегии, стать мерилем поступков и действий человека наряду с моральным императивом (как правило, присущим каждому индивидууму). И только в этом случае, пожалуй, сама атмосфера политико-правовой жизни в государстве не позволит допустить какого-либо произвола (нарушений права, его норм и принципов) ни со стороны отдельных граждан, ни тем более со стороны власти как главного адресата того смыслового сигнала (маркера), который заложен в формуле «верховенство права» (господство, правление права (the Rule of Law) – в англосаксонской традиции правопонимания; правовое государство (Rechtsstaat) – в романо-германской политико-правовой традиции). Но чтобы идея верховенства права стала реальностью и проникла в ткань государственно-правовой жизни общества, необходимо процесс формирования такого права (верховенство которого

провозглашается в государстве) строить на основе включения всех участников этой жизни в управление делами государства, в том числе в правосозидательные процессы, прежде всего обеспечивая условия для социально-властного диалога между обществом и властью по определению стратегии и тактики правового развития, что для демократического государства абсолютно естественно, нужна лишь правильная организация искомого диалогового формата. Создаваемое в таком плане право будет иметь внутренние предпосылки для того, чтобы осуществлять не номинальное, а реальное «правление» в государстве.

ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА КАК ВЫРАЖЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА ГОСУДАРСТВА

Как замечает Дж.Н. Мур, ««Верховенство права» собирательно символизирует наиболее важные аспекты демократического правления. Его суть состоит в том, что правительственные решения должны быть основаны на согласии народа и действовать только через структуры и процедуры, разработанные для предупреждения индивидуальных притеснений или государственной тирании, защищающие фундаментальные права и свободы и являющиеся объектом оценки независимыми судами, выносящими приговоры, основанные на законах. Они противостоят решениям, основанным на грубой силе, произвольным указам, политической выгоде или личной прибыли» [1, с. 13–14].

На наш взгляд, в этом собирательном концепте, который ориентирует любое государство на следование в своем функционировании и своей жизнедеятельности идеалам права, можно выделить два аспекта: а) формальный

¹ Согласно ч. 1 ст. 1 Конституции РФ «Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления» (Российская газета. 1993. № 237).

(предполагающий соответствие политико-правовой деятельности в государстве некоему набору выработанных «требований» концепта «верховенство права», например, следование законодательным императивам и пр.); б) фактический (характеризует то, что именно складывающаяся жизненная государственно-правовая (демократическая) практика обеспечивает реализацию в реальности идеи верховенства права за счет объективно действующих механизмов государственно-правовой жизни).

С формальной точки зрения верховенство права – это система требований (принципов), предъявляемых к системе государственно-политического и правового устройства, признание и выполнение которых на практике символизирует (выражает) наличие отвечающего этой идее климата в стране (государстве). В англоязычной правовой традиции правления права на этой стороне концепции делают акцент Дж. Раз и Л. Фуллер. Они полагают, что государственная власть должна осуществляться в соответствии с законом, а сам закон должен отвечать ряду формальных требований [2, с. 5–6].

Таковыми основными принципами (требованиями), связываемыми с верховенством права (с определенной вариативностью в зависимости от научного контекста или исследовательской парадигмы [об истории идеи правления права и правового государства см. подробнее, например: 2]), являются:

- правительство народа, управляемое народом и существующее для народа;
- разделение властей и принципы взаимосвязи между законодательной, исполнительной и судебной властью;
- представительная демократия, процедурные и существенные ограничения в отношении правительственных действий, направленных против частных лиц (защиты личной свободы и личного достоинства);
- ограниченное правительство и федерализм;
- судебное разбирательство независимой системой судебных органов как центральный механизм проведения конституционных законов в жизнь [1, с. 14].

Таким образом, в общем плане суть этой системы демократического правового правления заключается в том, что правительственные решения, действия государства должны

быть основаны на согласии народа (признании со стороны народа) и осуществляться в соответствии с правовыми правилами, формами и процедурами. Это, собственно, и становится главным залогом того, что ни индивидуальные, ни коллективные права не будут нарушаться и никто из субъектов правового взаимодействия (включая, прежде всего, государство) не станет посягать на «территорию» другого и затрагивать (в негативном плане) ничьи значимые интересы.

Думается, как бы ни было сложно в условиях современных глобальных трансформаций, кризиса мирового устройства, военных конфликтов и прочей турбулентности, право как единая для всех нормативная форма, как способ обеспечения формального равенства и юридической справедливости ни в коем случае не должно сходить с повестки современных цивилизованных государств. Право должно оставаться ярким маяком, нитью Ариадны, чтобы позволять преодолевать все трудности бытия, сохранять веру в человека, его достоинство и ценность для самого мироздания. А для этого все в государстве должно быть посвящено обеспечению правления права (именно права) как силы, объединяющей и уравнивающей всех субъектов социально-правового взаимодействия, включая государство как политическую организацию общества, создаваемую для решения общих и важных для всех граждан вопросов.

При этом если управление в государстве строится именно на демократических принципах, то и сама демократия должна быть «правовой» – опираться на букву и дух закона. Верно в этом смысле замечает В.В. Лапаева: «Конечно, стране, находящейся на крутом переломе своей истории, необходимо сильное государство. Но это должно быть не бюрократически-авторитарное государство, осуществляющее руководство обществом в приказном режиме, а правовое демократическое государство с эффективно функционирующей системой разделения властей, с самостоятельным парламентом, который ищет правовые решения путем справедливого согласования различных социальных интересов, с исполнительной властью, действующей строго в рамках правового законодательства, с независимым судом, который никто не может использовать в качестве орудия борьбы с политическими и экономи-

ческими конкурентами, с наличием реальной (то есть способной прийти к власти) политической оппозиции и т. д.» [3, с. 533–534].

С фактической точки зрения верховенство права – это реальная демократизация политико-правовых процессов, что позволяет, находясь в состоянии свободного (открытого, транспарентного) государственно-правового развития, вырабатывать и воспроизводить политику и право, идущие на благо всему обществу (а не только каким-либо «избранным» его представителям из числа приближенных к власти, крупных дельцов и т. п.); это создание всех необходимых условий в государстве, обеспечивающих привлечение ресурса самого общества к разработке и принятию политико-правовых решений, в том числе привлечение к процессу формирования того права, которое будет отвечать нуждам и чаяниям людей и выражать искомые принципы правового государства. Это так называемая субстанциональная, более широкая версия концепции правления права, в которой при признании необходимыми формальных требований к власти и закону все же упор старались делать непосредственно на содержании принимаемых политико-правовых решений, которые должны уважать права и свободы человека и гражданина, быть справедливыми и отвечать интересам общества в целом и каждого его представителя (гражданина) в отдельности. К числу сторонников такого направления концепции верховенства права можно отнести Дж. Роулса, Дж. Финниса, Р. Дворкина, Ф.А. Хайека, из числа отечественных правоведов таких взглядов на проблему верховенства права придерживается, как пишет сам о своей позиции ученый, И.Ю. Козлихин [2, с. 6].

Придерживаясь в этой части скорее все же синтетического подхода (строящегося на разумном сочетании формального и фактического аспектов концепта верховенства права), можно высказать утверждение, что никакие формальные требования не смогут обеспечить истинно правовой порядок в государстве, если само право не будет отвечать необходимым содержательным характеристикам (не будет впитывать в себя идеи справедливости, равенства (прежде всего, формально-го), разумности, выражать значимые интересы людей и пр.). Но такое право невозможно создавать вне основной массы людей (населения) в государстве. Именно с участием обще-

ства может сформироваться право («разумное право»), идею верховенства которого стоит поддерживать², поскольку *править* способно лишь то право, которое признает интересы личности и общества, выражает в своей основе идеалы справедливости, разума, равенства (формального (по форме)), обеспечивает свободу во всех ее цивилизованных формах (не затрагивающую свободу других)³.

Для того чтобы в государстве создавалось такое (изначально социально легитимное) право, оно должно создаваться в рамках всех необходимых демократических процедур с привлечением к этой работе общества. В конечном итоге сама власть должна быть заинтересована в том, чтобы развивать контакт (диалог) с обществом в правотворческой плоскости. Социально-властный диалог в сфере правового творчества есть, без сомнения, базовый ресурс для принятия верных политико-правовых решений. Это можно считать самым оптимальным способом своевременного реагирования на возникающие в обществе проблемы и, соответственно, поиска конструктивных решений с целью их преодоления посредством права (закона).

В ином случае государство каждый раз будет сталкиваться с ситуацией, когда законы формально приняты и якобы действуют, но по сути их эффект является минимальным или даже становится обратным тем ожиданиям, с которыми было связано их принятие. В этом плане справедливы соображения Л.Г. Коноваловой, которая, отмечая присущие современной российской правовой системе недостатки в части реализации на практике идеалов верховенства (бессистемность и противоречивость законодательства, правовой нигилизм и пр.), констатирует, что «проблемы в реализации верховенства закона нужно в первую очередь искать в правовых конструкциях самого

2 Дж. Раз, разработчик инструментальной концепции правления права, выделял в этой концепции такой аспект, который был обращен собственно к праву: закон должен обладать такими качествами, чтобы управление людьми могло строиться на основе закона, а люди были бы в состоянии ему подчиняться [4].

3 Думается, неслучайно в своей статье С. Нарышкин, ссылаясь на мнение Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, отметил низкое качество законов как фактор деформации права. Однако именно право призвано играть решающую роль в удержании системных начал государства (Нарышкин С.Е. Принимать ценность законов ни в коем случае нельзя // Российская газета. 2013. № 6230 (254)).

закона» [5, с. 69]. Правда, в попытках найти возможные решения «конструктивных» изъянов современных российских законов автор скорее выступает как критик известных предложений по совершенствованию правотворчества (высказывая, например, скептическое отношение к идее принятия так называемого «закона о законах» и пр.) [5, с. 72].

Действительно, однозначных решений для имеющихся в этой области проблем, наверное, не существует. Вместе с тем имеет смысл прорабатывать отдельные шаги в этом направлении, что в комплексе рано или поздно должно привести к необходимому эффекту. В частности, Л.Г. Коновалова справедливо, на наш взгляд, обращает внимание на важность формата «дискурса» в правотворческой сфере [5, с. 74], который может быть самым разнообразным (между парламентариями, между парламентариями и учеными, между властью и обществом в целом и т. п.), но главное то, что в ходе него и по результатам дискурсивных практик могут «вызреть» правильные решения.

СОЦИАЛЬНО-ВЛАСТНЫЙ ДИАЛОГ В ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ПЛОСКОСТИ КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИДЕИ ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА

Если говорить комплексно о правотворчестве и правовой политике, то одной из главных проблем при их проведении, на наш взгляд, является именно недостаточная степень диалоговой взаимосвязи институтов государства и институтов гражданского общества в области выстраивания тактики и стратегии правовых преобразований. Формально это, может быть, и имеет место, но по факту до реального диалога власти и общества в правотворческой плоскости пока, конечно, еще далеко. Вместе с тем отсутствие полноценного диалога между обществом и государством приводит к принятию, с одной стороны, излишне конъюнктурных, «скорых» решений, не всегда отвечающих общественным запросам, поспешных и не соответствующих интересам общества, с другой стороны, к непринятию тех правовых решений, которые востребованы и насущны с точки зрения актуальных социальных потребностей и интересов (в области социальной политики, участия населения в управлении публичными делами, по вопросам образования

и здравоохранения, развития жилищно-коммунального хозяйства, безопасности граждан и пр.). Такой диалог (с претензией на правовое сотворчество [6; 7]) крайне важен и необходим, никаких других способов решать общественные проблемы в рамках республиканской формы правления никто еще не придумал и вряд ли что-то может быть предложено в качестве соразмерной альтернативы. Именно в таких параметрах функционирования политико-правовой системы могут быть найдены и определены согласованные координаты ее развития.

В современных условиях глобальных трансформаций, конфликтной социальной среды особенно важно иметь понимание того, что государство и общество не оппоненты, а прежде всего партнеры, совместно решающие (способные решать) общие задачи. В противном случае в государственной и социальной системах могут начаться процессы разлада, дезорганизации или энтропии, что может привести к разрушению общего культурного основания соответствующей дуальности «государство – общество». Подобные риски могут быть минимизированы активизацией процессов взаимопроникновения, что возможно лишь через активный диалог между полюсами, рассматриваемый как альтернатива монологической форме взаимоотношений власти с обществом. В литературе справедливо отмечается, что если процесс монологизации «зашкаливает», то творческий потенциал страны, жизненные силы общества подрываются, снижается эффективность принимаемых решений на всех уровнях. И это очевидно, так как при отсутствии обратной связи не находится понимание того, какое решение будет востребованным, правильным. У публичной власти как субъекта принятия политико-правовых решений не будет четких ориентиров для выработки и внедрения этих решений в практическую плоскость, а если это будет так, то за этим последует очередной виток и недоверия, и нигилистического отношения к элементам политико-правовой системы государства. Вряд ли в этом кто-то из участников государственно-правовой жизни может быть заинтересован, тем более властные субъекты. «Монологическая власть не может быть конструктивна по определению, так как она слепа в результате слабости обратной связи, не-

способности устойчиво вовлекать значимую часть общества в масштабные качественные изменения» [8, с. 67–68].

Подобный диалог власти и общества в формате правотворческой практики можно с уверенностью рассматривать в качестве одного из существенных факторов, способных повлиять на внутреннюю стабильность современной общественной системы и устойчивость развития государства в современном мире. Достижение подобного состояния в существенной мере зависит от эффективности создаваемого в государстве права, которое не может рассматриваться исключительно как продукт деятельности государственных структур, а должно характеризоваться как продукт совместных действий публично-властных и неформальных социальных структур. Будучи представленным лишь в качестве производной величины от деятельности государственного аппарата, оно утрачивает связь с социальной жизнью и потому «отрывается» от реально существующих в ней проблем, требующих решения, и в этом виде становится неэффективным. Поэтому необходимо создавать механизмы эффективного взаимодействия государства (муниципального управления) и гражданского общества на платформе согласованного принятия правотворческих решений. Это позволит актуализировать правовой контекст в государстве, своевременно вскрывать те общественные проблемы, которые нуждаются в государственно-правовых мерах. На этой основе усилится возможность адекватно и оперативно отвечать на различные социальные (глобальные) вызовы современности и в чем-то действовать на опережение. Соответственно, на уровне политико-правовой доктрины требуется выработать компетентный подход к построению и совершенствованию алгоритма взаимодействия (коммуникации) государства и гражданского общества в области государственно-правового строительства, обоснованию существующих политических и правовых ресурсов в этой сфере, а также разработке новых коммуникативных механизмов, которые позволяют гражданам действительно становиться «соавторами» законов и быть ответственными за все, что осуществляется в социальной (социально-политической и правовой) действительности. Как отметил в свое время в интервью изданию

«Российская газета» в рубрике «Юридическая неделя» председатель Комитета Государственной Думы по конституционному законодательству и государственному строительству, член президиума Ассоциации юристов России В. Плигин, «общество, с моей точки зрения, обязано, и мы должны для этого предпринимать усилия, становиться соавтором законов. Если общество станет соавтором законов, это обеспечит общее признание этих законов, т. е. легитимизирует закон, сделает его восприимчивым. Поэтому общество должно находить разного рода механизмы участия в этом – проводить обсуждение на разного рода форумах, экспертных советах»⁴.

Связь государства с обществом в процессе определения тактики и стратегии современного правотворчества – это дополнительная гарантия того, что в процессе его осуществления необходимые социальные правообразующие факторы найдут свое отражение, будут максимально полно учтены и согласованы интересы всех и каждого, а принимаемые государственно-правовые решения будут отличаться качеством, общественной значимостью и эффективностью.

В этом алгоритме будет выражаться механизм перевода факта изначальной социальной обусловленности правотворческого процесса в плоскость реального учета социальных факторов в правотворческой практике, поскольку «диалог» («дискурс») и есть тот канал перехода от социальных предпосылок, интересов, притязаний в форму конкретных решений, где все это, так или иначе, получит отражение. Такая практика, безусловно, повысит уровень обоснованности (а вместе с этим и научной обоснованности) нормативно-правовых актов, а значит, станет предпосылкой их последующей эффективности.

Социальные субъекты, участвующие в правотворческом диалоге, выступают в качестве своего рода антенн и ретрансляторов, воспринимающих сигналы социальной и государственно-правовой жизни и ретранслирующих их в государственно-правовые формы. Социальные субъекты могут не обладать формализованной правотворческой компетенцией, а могут непосредственно обладать ею (например, закрепленное в законодательстве право непо-

⁴ Плигин В.Н. Общество должно становиться соавтором законов // Российская газета. (Неделя). 2014. № 6325.

средственной правотворческой инициативы), входя в структуру публичной власти и выполняя в том числе правотворческие функции.

Как известно, властные сферы нередко ограждаются «стенами» официальных протоколов и пр., искажающими сигналы социально-правовой жизни и препятствующими правильному восприятию, учету и воспроизведению юридически значимых социальных интересов в правовых нормах и установленных публично-властными субъектами моделях социально-правового взаимодействия. Чтобы минимизировать подобные следствия, в конституционном (демократическом) государстве выработаны все необходимые демократические механизмы влияния (прямого или опосредованного) на публичную власть и принимаемые правотворческие решения.

Демократические институты являются каналами-посредниками, по которым до властных уровней могут доходить представления общества о желаемом праве – праве, которое по меньшей мере не будет игнорировать их интересы и не будет ухудшать существовавшее ранее положение. Такие демократические институты позволяют противостоять проявляемому порой в нынешней политико-правовой практике экстремному правотворчеству и другим его негативным проявлениям⁵. Таково основное свойство народного представительства, способного выразить в праве насущные потребности общества. Б.Н. Чичерин по этому поводу справедливо замечал: «Никто не станет отрицать, как общее начало, что законодательство, имеющее живую связь с народом, заключает в себе гораздо более залогов силы, нежели законодательство, составленное бюрократическим путем» [9, с. 105].

Власть не может не быть заинтересована в том, чтобы активно взаимодействовать с об-

ществом на предмет перспектив политического и правового развития, чтобы четко видеть возникающие в обществе проблемы и запросы, правильно идентифицировать и дифференцировать их, а в случае необходимости подвергать соответствующей юридической регламентации. В таком подходе, по нашему мнению, заключается одна из главных предпосылок эффективности функционирования государственной власти.

Немалая роль в части повышения эффективности функционирования власти, повышения качества принимаемых законов может быть отведена и научному сообществу (как наиболее образованной части общества), о чем в той или иной форме говорит сама доктрина права, способная привнести свой вклад в построение, развитие и совершенствование государственно-правового механизма управления [10].

Во многом для решения этой задачи в 2014 г. создан Научный совет по правотворчеству при Председателе Государственной Думы – постоянно действующий консультативный орган по вопросам, связанным с экспертным сопровождением законотворческого процесса в Государственной Думе и совершенствованием законодательства Российской Федерации (ч. 6 ст. 11 Регламента Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации⁶). Данный совет создан по инициативе С. Нарышкина (спикера Государственной Думы) в развитие положения ст. 2 Федерального закона «О Российской академии наук», определяющей в числе целей академии «экспертное научное обеспечение деятельности органов государственной власти»⁷. С этой же целью действует Научно-экспертный совет при Председателе Совета Федерации⁸.

6 О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Постановление Государственной Думы от 22.01.1998 № 2134-II ГД (ред. от 28.02.2023) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7, ст. 801.

7 О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 27.09.2013 № 253-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 39, ст. 4883.

8 Положение о Научно-экспертном совете при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: утв. распоряжением Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ 19.04.2021 № 40рп-СФ [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/structure/docs/25437/> (дата обращения: 05.05.2023).

5 В Отчете Госдумы о состоянии российского законодательства за 2014 г. (приводится в пример отчет этого года как достаточно характерный для отражения ситуации с законодательством последних двух десятилетий), в частности, отмечаются такие характеристики, как избыточность нормативного вмешательства, противоречивость правового регулирования, нерешенность проблемы комплексного подхода при внесении изменений в действующее законодательство в так называемом пакетном режиме, наличие ускоренного режима рассмотрения внесенных законопроектов, направленных на решение тактических задач (Отчет о состоянии российского законодательства в 2014 году / отв. ред. А.А. Клишас, В.Н. Плигин. М., 2014. С. 4–5).

Как известно, принимаемые правотворческие решения нередко не получают поддержки в обществе, к тому же часто меняются, что говорит об их ненадлежащей научной обоснованности, оторванности от общественных потребностей. Для того чтобы преодолеть или не допустить разрыва власти и общества, должны заработать соответствующие демократические механизмы в процессах формирования права. Думается, данное наше утверждение верно. Это, соответственно, предполагает развитие правовых форм властно-социального диалога, таких как демократические выборы, референдум, публичные слушания проектов нормативных актов, институт лоббизма, народная правотворческая инициатива, формы электронной демократии и некоторые другие. Все они способны обеспечить связь государства с социальными структурами, позволить осмыслить пределы возможностей государственной власти в создании эффективных правовых институтов и конструкций и оценить конструктивность правообразующей энергии общества. Это в конечном итоге будет способствовать реализации идеи верховенства права, поскольку за этим правом будет стоять сам народ, который, как говорил Аристотель, при демократии является «верховным правителем» [11, с. 455].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема сбалансированного и стабильного социально-политического развития – это во многом проблема качества принимаемых правовых решений нормативного характера. Отсюда одним из ключевых факторов, определяющих положительную социально-политическую динамику, является фактор коммуникации власти и общества по спектру политических и правовых проблем, требующих согласованных и адекватных управленческих и правотворческих решений. В ситуации довольно сложной внешнеполитической и экономической конъюнктуры, которая складывается на современном этапе развития мировой и государственно-национальных систем, для международных инстанций и суверенных государств установление такого диалога является крайне необходимым, а разработка эффективных механизмов взаимодействия государства и гражданского общества на платформе создания права (или, как мы предлагаем более уверенно говорить, в рамках правового сотворчества [12; 13]) – востребованной. Современная юридическая доктрина своими разработками должна активно способствовать установлению такого социально-властного диалога.

Список источников

1. Мур Дж.Н. Верховенство права: обзор / Дж.Н. Мур // Верховенство права : сборник : пер. с англ. – Москва, 1992. – С. 10–52.
2. Козлихин И.Ю. Идея правового государства: история и современность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. 152 с.
3. Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика : монография / В.В. Лапаева. – Москва : РАП, 2012. – 580 с.
4. Raz J. The Rule of Law and Its Virtue // The Rule of Law and the Separation of Powers / J. Raz ; ed. by R. Bellamy. – London : Routledge, 2005. – 18 p.
5. Коновалова Л.Г. Проблемы реализации принципа верховенства закона в Российской Федерации / Л.Г. Коновалова // Государство и право. – 2020. – № 10. – С. 67–80.
6. Трофимов В.В. Коммуникация гражданского общества и публичной власти на платформе правового сотворчества как социальный инструмент выравнивания и стабилизации курса государственно-правового развития (введение в проблему) / В.В. Трофимов // Право: история и современность. – 2018. – № 1. – С. 73–82.
7. Трофимов В.В. Правовое сотворчество: дефиниция понятия и роль в российском правотворческом процессе / В.В. Трофимов, В.В. Свиридов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2018. – № 4. – С. 106–114.

References

1. Moore J. The rule of law. *The rule of law*. Moscow, 1992, pp. 10–52. (In Russian).
2. Kozlikhin I.Yu. The idea of the rule-of-law state: history and modernity. St. Petersburg University Publ., 1993. 152 p.
3. Lapaeva V.V. Types of legal understanding. Russian Academy of Justice Publ., 2012. 580 p.
4. Raz J.; The Rule of Law and Its Virtue. *Bellamy R. (ed.). The Rule of Law and the Separation of Powers*. London, Routledge Publ., 2005. 18 p.
5. Konovalova L. Problems of implementing the rule of law in the Russian Federation. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2020, no. 10, pp. 67–80. (In Russian).
6. Trofimov V.V. Interaction of civil society and public authority through collaborative lawmaking as a social instrument of leveling and stabilizing the state legal development (introduction to the problem). *Pravo: istoriya i sovremennost' = Law: History and Modernity*, 2018, no. 1, pp. 73–82. (In Russian).
7. Trofimov V.V., Sviridov V.V. Legal co-creation: concept definition and role in the Russian law-making. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' = Legal Policy and Legal Life*, 2018, no. 4, pp. 106–114. (In Russian).

8. Ахиезер А.С. От диалога к диалогизации (в свете концепции В. Библера) / А.С. Ахиезер, М.А. Шуровский // Вопросы философии. – 2005. – № 3. – С. 67–68.

9. Чичерин Б.Н. Русское дворянство / Б.Н. Чичерин // Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов. – Москва : Гос. публ. ист. б-ка России, 2002. – С. 89–137.

10. Поленина С.В. Наука и законодательство / С.В. Поленина // Теория права: новые идеи. Вып. 1. – Москва, 1991. – С. 133–140.

11. Аристотель. Политика / Аристотель // Аристотель. Соч. : в 4 т. / общ. ред. А.И. Доватура. – Москва : Мысль, 1983. – Т. 4. – С. 375–644.

12. Трофимов В.В. Правовое сотворчество власти и общества как пример позитивно-креативной социально-властной коммуникации / В.В. Трофимов, В.Ю. Самородов // Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт : сборник трудов международной научной конференции (Воронеж, 11–12 сентября 2020 г.). – Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2020. – С. 203–208.

13. Трофимов В.В. Правовое сотворчество как перспективное направление развития российской правотворческой политики: постановка проблемы / В.В. Трофимов, В.В. Свиридов // Правотворческая политика : ежегодник. – 2018. – № 6. – С. 58–66.

8. Akhiezer A.S., Shurovsky M.A. From dialogue to dialogization (in the light of V. Bibler's concept). *Voprosy filosofii = Issues of Philosophy*, 2005, no. 3, pp. 67–68. (In Russian).

9. Chicherin B.N. Russian nobility. *Chicherin B.N. A few contemporary questions*. Moscow, 2002. pp. 89–137. (In Russian).

10. Polenina S.V. Science and legislation. *Theory of Law: New Ideas*. Moscow, 1991, iss. 1, pp. 133–140. (In Russian).

11. Aristotle. Works. Moscow, Mysl', 1983. Vol. 4. 830 p.

12. Trofimov V.V., Samorodov V.Yu. Legal co-creation of power and society as an example of positive and creative social and power communication. *Legal communication of the state and society: national and foreign experience. Collection of proceedings of the international scientific conference (Voronezh, September 11–12, 2020)*. Voronezh, SCIENCE-UNIPRESS Publ., 2020, pp. 203–208. (In Russian).

13. Trofimov V.V., Sviridov V.V. Legal co-creation as a promising direction in the development of Russian law-making policy: problem statement. *Law-Making Policy Yearbook*, 2018, no. 6, pp. 58–66. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Трофимов Василий Владиславович – доктор юридических наук, доцент, начальник Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Trofimov Vasily Vladislavovich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Research Institute of State and Legal Studies, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Derzhavin Tambov State University

Статья поступила в редакцию 15.05.2023; одобрена после рецензирования 02.06.2023; принята к публикации 02.06.2023. The article was submitted 15.05.2023; approved after reviewing 02.06.2023; accepted for publication 02.06.2023.